

Дарья Донцова

Журятник в пентхаусе

Детектив на диете Татьяна Сергеева

Дарья Донцова
Курятник в пентхаусе

© Донцова Д. А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Дарья Донцова

**Курятник в
пентхаусе**
роман

Москва
2022

Глава первая

С годами некоторые девушки из аппетитной булочки превращаются в пухлый батон.

Я отошла от зеркала. Не стоит себя обманывать, я никогда, даже в детстве, не походила на маленькую плюшку с маком, зато сейчас госпожа Сергеева – большой торт.

Горестно вздыхая, я распахнула шкаф. На дворе октябрь, зарядил нудный дождь, пора достать куртку потеплее и примерить ее. Девушка-торт не всегда может влезть в вещь, которую купила год назад.

– Танюша, – закричала из коридора Ирина Леонидовна, – твой рабочий телефон мигает, на него эсэмэски сыплются.

Дверь в спальню приоткрылась, в комнату всунулась рука с мобильным.

Я засмеялась:

– Рина, входи!

– На работу собираешься? – спросила свекровь, появляясь в спальне. – Я закрою все ваши двери снаружи на задвижки и кабинет Вани тоже.

– Яна приедет? – догадалась я.

Рина закатила глаза.

– Да! Предстоит суровый денек. Главное, не извлекать заранее из кладовки стол. Альберт Кузьмич мигом сообразит, что готовится, и занычится так, что искать его придется целый день.

– У кота есть стандартные места, где он надеется укрыться от Яны, – усмехнулась я, – под креслом, в холле, в библиотеке на первом этаже.

– Да уж, – вздохнула Ирина Леонидовна, – когда мне удалось купить апартаменты под нашей квартирой, я очень радовалась. У меня прибавились помещения для хозяйственных нужд, мы

получили вторую гостиную, еще одну столовую, а спальни оставили на прежнем месте.

– Шикарно устроились, – согласилась я.

– Да, просто суперски, – сказала Рина, – но есть засада, Альберт Кузьмич, Мози и Роки, поняв, что сейчас появится Яна, нычаты так, что их не найти. Миновали времена, когда кот ложился на стул в столовой, прятался под скатертью или залезал за кресло в библиотеке. А бульдожки неслись в мою спальню, запихивали головы под кровать, правда, их было удобно схватить за торчащие наружу задние лапы и вытащить.

Раздался звонок телефона.

– Яна! – подпрыгнула Ирина Леонидовна и убежала с воплем: – Надя, Надя, лови их, хватай!

Послышался топот, сопение, в спальню влетели собаки. Я, хихикая, вынула из шкафа джинсы.

В нашем доме живут два французских бульдога – Мози и Роки. Говорят, что собаки похожи на хозяев. И это правда, я определенно родня псам, у которых нет талии, за что они дома получили прозвище «кабачки». Таня-батон и псы-кабачки прекрасно ладят. Иногда, когда мой муж Иван Никифорович отправляется в командировку, мне приходит в голову не самая удачная мысль: купить на углу в кафе пару пирожных и тайком слопать их в кровати, читая новый детектив Смоляковой. Половину неразумного желания я осуществляю легко, прячу пакет в сумку, открываю дверь в квартиру и вижу бульдожек, они сидят у порога с самыми счастливыми улыбками на мордах. Я иду в комнату, собаки спешат за мной, обнюхивают сумку и скулят. А когда я прошмыгиваю в спальню, закрываю плотно дверь, приняв душ, устраиваюсь в кровати и начинаю разворачивать свою тайную еду... Вот тут начинается цирк в огнях! Бульдожки бьются в запертую дверь, рыдают, они отчаянно хотят получить свою часть лакомства.

Раз в несколько месяцев в семье возникает конфликтная ситуация. Уж не знаю, каким образом вся стая узнает, что ее парикмахер

вошла в подъезд. Яна еще не позвонила в дверь, а из коридора уже слышатся бодрый топот и сопение. Это кабачки рысят в нашу с мужем спальню, у них есть одно место для того, чтобы спрятать свои головы. У Мози и Роки нет полета фантазии, похоже, они не понимают, что у них есть ноги. А вот Альберт Кузьмич испаряется бесшумно, исчезает аки тать в ночи, и после того, как наша квартира стала двухэтажной, он постоянно меняет дислокацию. Мы в конце концов сообразили, что животные чувствуют Яну издалека. И теперь она оповещает нас, въезжая во двор. Но наша стая состоит из экстрасенсов. Вот сейчас через секунду после того, как ожил домашний телефон, я услышала традиционный топот, сопровождающее его сопение, и бульдожки очутились в спальне. На что угодно готова спорить: Альберт Кузьмич тоже уже исчез с радаров.

Я быстро оделась, вышла в холл и столкнулась с Яной, которая снимала куртку.

– Погода не майская, – сообщила она, – дождь льет. Зверушки занычились?

– Двое, как всегда, под кроватью, а кота придется искать, – отрапортовала я и ушла, держа в руке телефон, на который сыпались сообщения. Все они были от Димона.

Сев в машину, я включила громкую связь и сказала:

– Сейчас приеду.

– Купи чего-нибудь по дороге, – попросил Коробок, – лучше шаурму.

– Она вредная, – возразила я, – от такой еды толстеют.

– Отлично, – обрадовался мой лучший друг, – ты, как всегда, на диете. А мне она зачем? Возьми самую большую, с двойной начинкой.

Вот теперь скажите, есть ли в жизни справедливость? Почему Димон остается худым, лопаая все в любых количествах? Он может сожрать суп, второе, закусить мороженым, плотно поужинать перед сном, и к обжоре даже сто граммов не прилипнет. А я, которая после

пяти вечера не смотрю на листик петрушки, постоянно борюсь с лишним весом, и он меня всегда кладет на лопатки.

Продолжая сетовать на свою горькую судьбинушку, я купила для Димона шаурму, постояла некоторое время в кафе, насладилась ароматом блинчиков, котлет, жареных куриных ножек, картофеля фри и отправилась в офис.

Глава вторая

– А вот и доставка харчей, – обрадовался Димон. – Почему ты такая грустная?

Рассказать приятелю, что опять увидела на весах не ту цифру, которую хотела узреть? Ну уж нет. Хорошо помню, как пару дней назад Коробков купил на всех пиццу, а мне вручил коробку с надписью «Особая для Тани». Я подняла крышку и обнаружила внутри крохотный листик салата, на котором лежала веточка укропа. Коробок постоянно зудит мне в уши:

– Перестань мучить себя глупыми диетами. Толку от них ноль. Ешь все, чего хочется, и вес пойдет вниз.

Я не такая дуручка, чтобы верить Димону. Но, к сожалению, он прав насчет диет, на меня они не действуют. Я перестала считать калории после того, как узнала, что калория – это количество энергии, которое позволяет нагреть один грамм воды на один градус. Значит, эскимо, примерно триста калорий, сделает стакан воды теплым. Пусть так, но почему я прибавляю от воды в весе? Нет ответа. Полгода назад я выбросила таблицы подсчетов, теперь я ем два раза в день: утром и в шестнадцать часов. Все жирное, сладкое, сосиски, колбаса, пельмени, котлеты, сыр исключены из рациона. Вкус жареной картошки давно забыт, мимо кондитерских я прохожу, зажмурившись, о фруктах даже не вспоминаю, в них фруктоза. Что я ем? Листья салата, овощи. И толстею. На всякий случай я прошла по всем врачам, вердикт: здорова! Почему вес не падает? Вразумительного ответа я ни от кого не получила. Возможно, мои предки произошли от слонов или бегемотов, а с генетикой не поспоришь.

– Тань, у меня для тебя подарок, – улыбнулся Димон.

– Спасибо, – поблагодарила я.

– Почему не спрашиваешь какой? – продолжил Коробков.

– А вот и я, – оповестила всех Ада Марковна. – Танюша, что у нас замечательного?

Мой телефон звякнул. Я посмотрела на экран. «Отдам презент потом, не хочу при всех».

Дверь опять открылась, и появилась прекрасная блондинка, такая роскошная, что Димон воскликнул:

– О господи!

Я посмотрела на незнакомку и поняла, почему Коробок так отреагировал.

У блондинки были щечки-яблочки, губы-бантики, широкие до изумления брови, похоже, позаимствованные у медведя. Грудь девушки походила на два спелых арбуза. Одета она была затейливо. Короткая юбка из зеленой кожи, розовый пуловер с глубоким V-образным вырезом, сквозь который были хорошо видны сочные перси. Белые ботфорты и крохотная сумочка с надписью Dior завершали образ роскошной жены олигарха, которая очень любит бутики элитных брендов на рынке «Садовод».

– Здрааасти, – нараспев произнесла юная леди, – Ваня сказал, что предупредил вас о моем визите!

Первым очнулся Димон:

– Добрый день. А кто у нас Ваня?

– Аха-ха, – рассмеялась незнакомка, – люблю, когда шутят. Ваня ваш самый большой начальник. Он велел своей жене...

На мой телефон опять прилетело эсэмэс, на сей раз от Ивана Никифоровича: «Придет Риччи. Бери ее в свою бригаду, присмотришь!»

– ...взять меня в свой коллектив, – договорила блондинка.

– Вы Риччи? – уточнила я.

– Ага, – подтвердила девушка.

В особые бригады абы кого не пригласят. Иван всегда тщательно проверяет человека перед тем, как взять его в штат. И я привыкла, что моя бригада – завершающий этап проверки. Потенциальный сотрудник работает у нас некоторое время, и если все хорошо, он

переходит в тот коллектив, где будет служить постоянно. Раньше мне роль воспитателя детского сада не нравилась, но теперь я привыкла. Риччи сидит в нашем офисе. Значит, муж посчитал ее хорошим специалистом.

Телефон опять запищал. Я увидела очередное эсэмэс от Коробкова: «Рот закрой».

Я встрепелась.

– Очень приятно, меня зовут Татьяна.

Риччи зааплодировала.

– О! Вы жена Вани! Он вас бешено любит, прямо до истерики. Первый случай в моей биографии, когда мужик на диван меня не потянул. Ваня говорил, что вы, Таня, мегасупер-агент. Я так рада работать здесь!

С этими словами блондинка бросилась мне на шею и, прежде чем я успела отшатнуться, вlepила поцелуй мне в нос.

Я чуть не скончалась от аромата вонючих духов. Но тут в офис вошел Никита Павлович^[1] и с порога зачастил:

– Привет. Опоздал. Пробки. Как дела? Кто у нас в гостях?

Блондинка выпустила меня из цепких объятий и обернулась.

– Мать Божья, – ахнул Никита, который называет себя атеистом и никогда не ходит в храм.

– Э... э... – протянула Ада Марковна, – раз Иван Никифорович так решил, значит, новая сотрудница с нами. А как вас зовут?

– Риччи, – повторила блондинка и села на мое место во главе стола.

– Это мы поняли, – сказала Ада. – А что в паспорте?

– Ой, зачем вам это? – пожала плечами Риччи. – Маманя начудила. Настоящее мое имечко даже спяну не произнести.

– У Наташи из бухгалтерии живет мопс Риччи, – заявил Никита.

Я опустила глаза, ну, Димон, теперь твоя очередь, чего хорошего ты скажешь?

– Татьяна, к вам Инесса Листова, – произнес голос нашего секретаря.

– Пусть заходит, – ответила я.

– Ой! Кто говорил-то? – изумилась Риччи. – Вроде все молчали!

Димон показал на небольшое отверстие в центре круглого стола, за которым сидела команда.

– Там есть микрофон, связь с дежурным, он находится у лифта.

Риччи подпрыгнула:

– О-о-о! Какая у вас шикарная аппаратура! Восторг! Прелесть.

Я посмотрела на Аду Марковну, та почесала правое ухо. На нашем языке жестов это означает: «Держись, Танюша, главное, все живы, с остальным справимся».

В офис всунулась голова нашего нового секретаря Юры:

– Впускать?

– Кого? – уточнила я. – Назовите имя и фамилию гостя.

– Так я уже говорил, – заявил парень.

Я сделала глубокий вдох. День сегодня начался бодро и продолжается так же. Интересно, как он завершится? Надеюсь, на Москва-реке не появятся льдины с пингвинами, а в центре города не приземлится инопланетный корабль с чудовищами. Все остальное меня не выбьет из колеи. Впрочем, пингвины мне могут даже понравиться. И может, кто-то объяснит парню на рецепшене, что имя гостя надо повторить, когда просят это сделать.

– Входите, – приказал из коридора Юра.

На пороге появилась молодая женщина в простом бежевом платье, на плече у нее висела торбочка без опознавательных знаков. А на пальце посетительницы сиял «бриллиант» большого размера. Ничего особенного ни в ее одежде, ни во внешности не было. По улицам российских городов ходят тысячи таких скромно одетых тетушек, которые любят бижутерию.

– Добрый день, – произнесла она, – меня зовут Инесса. Если можно, без отчества, не люблю его.

– Конечно, – улыбнулась я. – Татьяна, начальник особой бригады. У компьютера сидит Дима, слева Никита, по левую руку от меня Ада Марковна, в кресле Риччи.

– Очень приятно, – стандартно отреагировала гостя, – я пришла к вам с необычной проблемой.

– Мы к таким привыкли, – откликнулась Ада, – рассказывайте спокойно.

– Попробую не волноваться, хотя это и трудно, – призналась Инесса.

Глава третья

– Родную маму я плохо помню, мне о ней рассказывал один раз отец, – начала гостя, – где служил Илья Петрович Листов, так звали папу, я не знаю. Он с юных лет был сиротой, сам кое-как в жизни пробивался. Мать мою звали Тamarой Владимировной Ефимовой, у нее в двадцать лет случилась нежелательная беременность. Тамара слышала об абортах, но то, что его можно сделать только до двенадцати недель, понятия не имела, пошла в женскую консультацию на пятом месяце. Ей там высказали все, что думали о безответственной девушке. Пришлось папе на ней жениться. В загс они отправились за пару дней до родов. Сотрудники покосились на большой живот невесты, но ничего не сказали, паре поставили печати в паспорта. Началась у родителей семейная жизнь. На свет появилась я. Бытовые условия были не ах. Барак. У молодых одна десятиметровая комната. Туалет и колодец во дворе. Городского телефона не было, газ на общей кухне в баллоне. Дом находился в Подмоскowie на перекрестке. Направо поворот на село Совино, налево на Москву. Папа ездил в столицу на службу, постоянно опаздывал, потому что рейсовый автобус ходил как придется. Мама сидела со мной дома, а потом...

Инесса заложила за ухо прядь волос.

– Мне трудно осуждать ее. Она была тогда совсем юной, никто ей не помогал. Где были ее родители? Понятия не имею, дедушку с бабушкой я никогда не видела. Папа – сирота. Где его отец и мать? Один раз я поинтересовалась и услышала:

– Я рос в приюте. Я подкидыш.

Отец был старше мамы всего на год. Ни квартиры, ни денег, ни связей, ни кого-либо в помощь не было. Вот зачем ребенка рожать? Можете ответить?

– Они просто не подумали, что младенец появится на свет, – предположила Ада Марковна.

Инесса кивнула:

– Возможно, вы правы. Та же мысль и мне приходила в голову. Беспросветно нищую жизнь Тамара терпела не один год. Дни рождения они с папой не отмечали. Денег даже на вафельный торт не было.

Риччи подняла руку.

– Вопросик. Вы не помните маму?

– Нет, – подтвердила гостья.

– Но знаете, что родители оставались без праздника и торта. Вам кто-то рассказал о том, как они жили в бараке? – нараспев произнесла блондинка.

– Да, потом объясню кто, – кивнула Инесса. – А вот как я жила в приюте, уже сама помню. От меня папа, Илья Петрович, не отказался, но ему предложили новую службу с хорошим окладом и ненормированным рабочим днем. Поэтому я оказалась в интернате и прожила там год. Папа мне сказал: «Скоро за тобой вернусь, поживешь тут недолго. Назови свое имя». Я ответила: «Несси», отец меня похвалил: «Умница. Тебе два года. Меня зовут Илья Листов. Не забывай это. Тебе два года. Илья Листов. И помни, что непременно уедешь домой».

– Два года? – повторила Дюдюня. – Совсем крошка. Но, похоже, отец вас взрослой считал.

– Принято думать, что дети в таком возрасте еще глупые, быстро все забывают, а вот я помню, – заявила Инесса, – никто меня там и пальцем не тронул. Отдельная спальня, кормили вкусно, игрушек было много разных, всякие занятия. Там еще несколько девочек жили, четыре-пять, может, шесть. Я оказалась умнее всех, остальные почти не говорили, одеваться не умели. А я ловко все проделывала. Меня всегда хвалили, но, несмотря на замечательные условия, я постоянно слезы лила. Домой хотела.

– В барак? – удивилась Риччи.

– Странно, да? – усмехнулась посетительница. – Живу в прекрасной комнате, ем вкусно, а рвусь в нищету. Я хотела к папе.

Примирил меня с приютом Новый год. В своей группе я была самая высокая, умная, скучала с другими детьми, хоровод под елкой мне разрешили водить вместе с ребятами постарше. Дед Мороз подарил мне домик с набором мебели и куклами. Потом нас угостили лимонадом, тортом. А с января меня перевели заниматься с детьми, с которыми я праздник отмечала. У меня появились приятели. Но все равно, когда папа приехал, я обрадовалась так, что слов нет. Но были и неприятные моменты: меня звали – Инной. Фамилию тоже коверкали – Леснова.

– У вас интересная память, – удивилась Дюдюня, – внешность матери вы забыли, но помните о бараке и интернате.

– Верно, – подтвердила клиентка, – даже название приюта могу назвать: «Луч света».

– Дети в два года, как правило, еще не знают свою фамилию, – не утихла Ада.

– Со мной было иначе, – возразила гостя, – первое время я поправляла воспитателей, говорила: «Я Инесса Листова, можете звать меня – Несси. А они опять – Инна Леснова. Ну и через какое-то время я перестала возражать, стала на Инну отзываться. Да, память у меня редкая. Слова отца при расставании до сих пор помню:

– В бараке жить плохо. Я уеду на Север. Вернусь и заберу тебя. Запомни, Несси, интернат не навсегда. Ты снова окажешься дома.

Я ждала папу, и он приехал. Правда, сначала я не узнала его.

Рассказчица засмеялась.

– Он похудел, бороду отпустил. Я думала, что у него голубые глаза, а оказалось, карие. Сначала я даже не побежала к нему. Но он произнес: «Нессинька, цветочек, лучший мой дружочек, больше всех ее люблю, чаще всех ее хвалю». И я поняла: это папа, он для меня сам этот стишок сочинил. Сразу на шею ему кинулась. Помню, как в машине ехали, в дом вошли, папочка дверь открыл, а за ней квартира бесконечная! Я, наверное, неделю путалась в коридорах, иду на кухню, а оказываюсь около спальни. И самый яркий момент: отец открывает створку розового цвета со словами:

– Несси, это твоя спальня.

Огромный зал, кровать под балдахином, шкафы с книгами, игрушками, мягкий ковер. Своя ванная. Гардеробная, набитая новыми вещами. Я неделю это богатство изучала. Привыкла, что у меня три платья: два домашних, а одно для выхода из приюта, например к врачу. Из обуви: парусиновые туфли, осенние ботинки и валенки. У меня после интерната осталась привычка скромно одеваться.

– Вы хвалили приют, а сейчас говорите о скудном количестве нарядов, – удивилась я.

Инесса улыбнулась.

– Меня привезли в интернат из барака, там у нас была одна комната, туалет во дворе, для меня горшок. Ванны не имелось, на табуретку ставили таз. Холодно зверски было! А в детском доме своя спальня, душ. Потом, когда я вспоминала интернат, поняла, что там было чисто, хорошо, ребятам, которые в муниципальных учреждениях живут, такая красота и не снилась. Но по сравнению с апартаментами, куда меня папа привез, приют убогим казался. А насчет одежды... Воспитатели часто говорили:

– Человеку не надо жадничать. Зачем ему сто пар туфель? Если есть лишние деньги, лучше потратить их на помощь тем, кто заработать не может, отдать пожилым, больным, нищим.

Небольшое количество платьев – воспитательный прием.

Гостя засмеялась.

– Жизнь прекрасная началась! Папа не женился, мачеху не привел. Я пошла в частный садик. Еще у меня появилась няня Лена. Елена Николаевна Волобуева. Она мне стала настоящей мамой.

Рассказчица замолчала, потом вдруг неожиданно сменила тему.

– Я владелица детского центра, там есть всякие занятия по интересам. «Волшебный поезд» популярен. Почему такое название? Наш слоган «Едем за знаниями». Я не замужем, еще

молодая, не хочу пока вешать на шею брачный хомут. Но у меня есть Вадим.

Инесса опустила голову.

– Извините, я тяну время, чтобы не сказать: «Папа умер». Илья Петрович скончался в тот год, когда я готовилась к школе. Инсульт у него случился неожиданно для всех. Отец никогда не жаловался на здоровье. И он был молодой, сорока не исполнилось. Я хорошо тот день помню. Елена...

Инесса на секунду умолкла, потом продолжила:

– Елена Николаевна очень хорошая. У Волобуевой нет ни мужа, ни детей, ни родственников. Она меня считает дочерью, а я к ней отношусь, как к матери.

– Значит, вы совсем не помните ту, кто вас на свет родила? – спросила Риччи.

– Нет, – коротко ответила гостья и добавила: – Совсем не помню. Знала, что она умерла, поэтому я оказалась в интернате, когда отец уехал на Север. Но саму мать начисто забыла. После похорон папы няня сказала:

– Несси, я тебя люблю. Откладывала свою зарплату, тратить ее не на что. Живу здесь на всем готовом. У меня есть неплохой запас, сейчас его распечатаю, и все у нас будет отлично. Никогда от тебя не уйду, ты моя любимая девочка.

Посетительница посмотрела на меня:

– Можно водички?

– Конечно, – ответил Никита, взял одну из бутылок, стоявших на столе, открыл ее и подал гостье полный стакан.

Та быстро его осушила.

– Когда папа меня из приюта вернул, я была маленькой. Елена Николаевна меня на пороге новой квартиры встретила, через короткое время я стала ее мамой называть. Когда отца похоронили, всеми делами занялся Виктор Маркович Шикин, для меня дядя Витя, лучший друг семьи. Он в доме появился через пару месяцев после

похорон папы. Елена Николаевна его очень радостно встретила. Он мне подарок принес, обнял и сказал:

– Давай знакомиться. Я лучший друг твоего отца. Жил не в Москве, поэтому в гости не приезжал. Лена мне сообщила о кончине Илюши, я бросил все и примчался. Постараюсь стать тебе дядей, родным человеком.

Отец оставил завещание, Шикина он назначил управляющим всего своего бизнеса. Я не интересуюсь финансовыми вопросами, дядя Витя мне был как папа. Все шло хорошо.

Инесса налила себе еще воды из бутылки.

– Со дня кончины папы не один год миновал, я стала взрослой. И вдруг! Появилась Тамара Владимировна Ефимова! Был вечер, мы с Вадиком собирались в театр, настроение было прекрасное, смеялись, шутили. Я прическу сделала, макияж, платье новое приготовила. После спектакля мы планировали в ресторане посидеть. Время было около шести, спектакль начинался в семь тридцать, мы в холле одевались. Раздался звонок в дверь. Я посмотрела на экран и увидела незнакомую женщину.

Инесса отодвинула пустой стакан.

– Наш дом малоэтажный, один подъезд, всего пять квартир. Закрытая территория, посторонний туда зайти не может. А эта дама уже стояла на лестнице. Значит, ее кто-то из наших впустил, гостя перепутала квартиры. Не думая ни о чем дурном, я осведомилась:

– Вы к кому?

От ответа мороз по коже побежал.

– Хочу с Ильей Петровичем поговорить.

Я онемела, спасибо, Вадюша на помощь пришел, безо всяких экивоков осведомился:

– Вы кто?

Второй ответ и Вадима из колеи выбил, я ему про себя все рассказала, а дама по-прежнему безо всякой нервозности пояснила:

– Его жена, Тамара Владимировна Ефимова.

Мы в ступор впали, в холл вышла мама. Я имею в виду Елену Николаевну, она поинтересовалась:

– Вы кого-то в гости ждете?

– Ее точно нет, – ответила я, – на лестничной клетке стоит Тамара Владимировна, жена папы.

Мама брови домиком поставила.

– Надо ее впустить, поговорить с ней.

Я молчу, а Вадик рассердился.

– Если она жива, то где все это время находилась?

Мама голову опустила и ничего не ответила.

Я стою, слов тоже нет. Зато у Вадика их много нашлось.

– Ребенка мадам кинула, когда он очень в матери нуждался. Из-за того, что кукушка улетела, девочка в приют попала, хорошо, что у Ильи Петровича дела в гору пошли, он дочку оттуда забрал. Слава богу, что вы в семью пришли, мамой ей стали. А если бы нет? Никогда Несси Тамару не волновала, она ни разу о дочке не вспомнила, с днем рождения, с Новым годом не поздравляла, вычеркнула ее из своей жизни. Скомкала, как использованную бумагу, и выбросила. А сейчас явилась. Тетя Лена, вы слишком добрая, «Может, у нее беда стряслась». Не может, а точно она в какое-то дерьмо угодила, и ей деньги понадобились. Гнать надо такую в шею! Надеюсь, Илья Петрович догадался развод оформить!

– Вадюша, если машина по луже на скорости проехала и тебя фонтаном облила, ты за ней бежишь, ругаешься, швыряешь в автомобиль камни? – спросила Елена.

– Конечно, нет, – фыркнул Вадим, – я же не идиот.

– А если кто-то поступил подло с тобой или с теми, кого ты любишь, это не значит, что ты должен ответить тем же, – продолжала Лена, – я ее до того, как в дом Ильи пришла, не знала. Муж сказал: Тамара умерла. Естественно, я ему поверила. И женщина никогда не появлялась. О дочке не беспокоилась. Давайте выслушаем ее, разберемся, с какой целью она пришла.

Инесса отвернулась к окну.

Глава четвертая

Когда молчание затянулось, Никита прервал его вопросом:

– Вы открыли дверь?

– Да, – недовольно подтвердила посетительница, – Тамара Владимировна вошла в холл. Сразу стало понятно: у нее проблемы с финансами. Одежда старая, обувь жуткая, сумка с помойки. На голове черти овес молотили. Волосы в беспорядке, похоже, она сама себя стригла садовыми ножницами. Она устроила цирковое представление. Бросилась ко мне, давай обнимать, целовать, рыдать.

– Доченька, меня Илья прогнал! Запретил близко к тебе подходить! Хочу с тобой жить. Без мамы тебе плохо!

Запоздалое желание. Елена чай заварила, пирог подала, варенье домашнее. Я только радовалась, что не одна дома. Поговорили. Тамара выложила свою историю. Якобы она с моим отцом поссорилась, он налетел на нее с вопросом:

– Почему у тебя целый таз грязной посуды?

Супруга начала оправдываться:

– Воды нет.

Илья удивился:

– К колодцу сбегать лень?

Тамара ответила:

– Девочку одну не могу оставить, а ты утром ведро опустошил, мылся, брился и убежал, о том, что я осталась без воды, не подумал. Почему сам не сходил к колодцу?

Обычная бытовая ссора. Такие быстро завершаются примирением и походом вдвоем за водой. Но в тот раз все обернулось иначе. Упреки переросли в ссору, та в шумный скандал, во время которого насмерть обиженная Тамара припомнила мужу все его грехи, а Илья задал вопрос:

– Раз я полное дерьмо, зачем живешь с таким? Найди себе богатого, умного и топай к нему, но сначала себя реально оцени.

В зеркало глянь: красоты нет, ума тоже, воспитание отсутствует, и хозяйка ты криворукая. К такой невесте денежные мешки непременно в очередь встанут! О такой они мечтают!

Тома схватила сумку, покидала в нее все свои малочисленные вещи, крикнула Илье:

– Спасибо за совет, прощай.

И убежала.

Пару месяцев Тамара ночевала у разных подруг, потом ее перестали приглашать в дом. Она испугалась, решила помириться с мужем, вернулась в барак и нашла комнату пустой. Вернее, там осталась мебель, посуда, постельное белье, все, что имела семья. А вот супруг и дочь отсутствовали. Куда они подевались, Тамара не понимала, она знала, что у Ильи нет родственников. Идти ей было некуда, прописана она в бараке. Тамара стала жить на старом месте, надеясь, что рано или поздно супруг появится, и они помирятся. Где и как искать свою семью, Тома не представляла. Соседка по бараку сообщила ей, что Илья и девочка куда-то уехали на автобусе, и посоветовала обратиться в милицию. Ефимова отправилась в отделение, попала в кабинет к молодому парню, тот отмахнулся от нее:

– В семейные дела мы не вмешиваемся. Разбирайтесь сами.

На том поиски и закончились. Тамара устроилась уборщицей в местный детский садик, ей хотелось быть поближе к детям, она тосковала по дочке, по Илье...

Инесса криво усмехнулась.

– Дальше говорить? Сообщить о страшных муках бабы, которая все глаза выплакала от горя, но не поехала на работу к мужу, не стала расспрашивать его сослуживцев. Она определенно знала, где он работал. И не помчалась в органы опеки с заявлением о пропаже дочери. Не поговорила с дядей Витей, которого должна была прекрасно знать. Тамара много лет жила как хотела, а потом приперлась. Зачем? Как вы думаете?

– Захотела получить часть наследства, – предположил Никита, – это первое, что приходит в голову. Если брак не расторгнут, то вдова имеет право на свою долю. Многие думают, что объявить себя наследником можно только в течение полугода со дня смерти человека. В случае Ильи Петровича этот срок давно миновал, но, оказывается, претендовать на свою долю можно и потом.

– Что вы от нас хотите? – задала я свой вопрос.

– У меня нет ни капли любви к Тамаре Владимировне, – заявила посетительница, – моя мама – Елена Николаевна. Ради нее я готова на все. Но не она родила меня. Узнайте, кто эта тетка? Надо, конечно, сделать анализ ДНК. Если она мошенница, то каким образом узнала про барак? Если она не моя биологическая мать, то попытайтесь узнать: где баба нарыла нужную информацию. Если выяснится, что она меня родила, тогда я куплю ей жилье. Но общаться с ней и, упаси бог, жить вместе не собираюсь.

– Где Тамара сейчас прописана? – осведомился Димон.

Инесса покраснела.

– Барак расселили. Тамара там была зарегистрирована, ей, как и всем, выделили отдельную квартиру в Новой Москве. Возьметесь за такую работу?

– Да, – кивнула я, – нам понадобятся адрес Ефимовой и ее телефон. И нам надо поговорить с Еленой Николаевной.

– Пожалуйста, она, правда, не знает, что я обратилась к детективам, но как только вы решите провести с ней беседу, сообщите мне. Если нужна еще какая-то информация, я всегда на связи, – пообещала гостя.

Когда Инесса ушла, я посмотрела на членов бригады:

– Ваше мнение?

– Посетительница говорила спокойно, – заметила Ада Марковна, – не суежилась, просто сообщала сведения. Несколько раз краснела, становилось понятно, что ситуация Инессе очень не нравится, но она приучена сдержанно себя вести, поэтому не демонстрирует откровенно эмоций.

Риччи подняла руку.

– Она умелая врунья. Пришла в платье, которое сшито фирмой «Шанель» на заказ. В нынешней осенне-зимней коллекции для массового покупателя такой модели нет. Но это точно «Шанель». Похоже, Инесса клиентка квартиры.

– Квартиры? – повторила я. – Чьей?

– В Париже на улице Камбон когда-то жила Коко Шанель, – начала объяснять Риччи, – и первый свой магазин она открыла в том же доме на нижнем этаже. Сейчас там ателье. В нем обшивают жен русских олигархов, богатых индианок, китайнок. Для примерки мастерицы прилетят куда угодно. Коко начинала свой бизнес с Haute Couture, пошива на заказ уникальных нарядов для богатых дам. Пошив для тех, кто средне обеспечен, добавился позднее. Нынче в магазине на улице Камбон торгуют одеждой для тех, кто может заплатить за пальто или платье, обувь или сумку большие деньги. Там нашествие китайцев, они оставляют в кассе десятки, а то и сотни тысяч евро. А вот в квартиру мадам Шанель попадают лишь те, кто спокойно тратит миллионы. Наряд Инессы, возможно, оттуда. Фирменных знаков нигде на нем нет. Но строчка, материал, фасон... Все это без слов говорит о стоимости наряда. «Шанель», как, впрочем, и другие бренды тяжелого люкса, любит везде ставить свой логотип. На платьях им часто украшены пуговицы. Но Инесса заказала обычную фурнитуру, просто перламутровые застёжки и поясик без опознавательных знаков. Она любит дорогие эксклюзивные вещи, но не хочет, чтобы они бросались другим в глаза. На ногах у нее лоферы от Гуччи. Тоже по индивидуальному заказу. Сумка от малоизвестного в России бренда «Гаярд», но в Европе этого дизайнера любят. Ридикюль средней цены, доступен всем, кто хорошо зарабатывает. В ушах и на пальце изделия Ван Клифа. Опять же не для масс. Ювелир работал для Инессы. Цену драгоценностей определить трудно, но, учитывая каратность бриллиантов, полагаю, что у Листойой в ушах хорошая московская квартира, а на пальце дом в Подмосковье. Часы! Они

простенькие. Опять «Шанель». Если не ошибаюсь, цена им всего пять тысяч европейских рубликов. Листова носит то, что ей нравится. И у нее с Вадимом не все гладко.

Глава пятая

– А это вы как поняли? – осведомилась Дюдюня.

– Несси, когда вошла в комнату, пробежала по Диме глазами и переключилась на Никиту, его разглядывала дольше, кокетливо улыбнулась. Коробков немолод, на пальце кольцо, такой мужик девушкам неинтересен. Никита симпатичней, неокольцованный. Женщина, у которой все о'кей с партнером, так парней не оценивает. Зачем ей пирожок из магазина, если дома своя вкусная кулебяка имеется.

– Какая разница, кто во что одет? – спросил Никита Павлович.

– Мне это по барабану, – заявила Риччи, – пусть Инесса хоть голая ходит. В другом сложность. Женщина пришла с проблемой. Мы готовы ее решить. Но не сможем это сделать, если получим лживую информацию. Безразлично мне, сколько кто-то отдал за свое платье. Но Инессе известна его стоимость. Почему она сказала: «Я привыкла вести скромную жизнь»? У нее есть в придачу еще и привычка лгать?

– Возможно, у Листойой, как у многих очень богатых женщин, искажено восприятие действительности, – заметила Ада, – я знаю одну даму, которая говорит:

– Вот я небогатый человек, не имею неразумных желаний. Зачем мне квартира на Манхэттене? Не люблю город! Сельская Англия, вот где я хорошо себя ощущаю в нашем поместье. Тишина, покой, небольшой трехэтажный дом, всего двадцать пять комнат. Обожаю маленькие особняки. А мужу нейдет, нацелился на пентхаус в Нью-Йорке. Еще отговорила его, объяснила: «Мы с тобой всегда жили скромно. К чему нам этот Манхэттен? Домик в английской провинции милый, уютный, не пафосный, маленький – вот что принесет нам много положительных эмоций».

Это она говорит не потому, что хочет похвастаться богатством. Нет, Марина с детства жила в роскоши. Ее отец – крупный партийный функционер, когда вся страна мечтала поехать на Черное море,

снять комнатку с туалетом во дворе, родители Ермаковой летали в Пицунду, мать с дочкой там три-четыре месяца проводили. Для Мариши поместье в Англии – скромный домик. Может, и у Инессы так?

– Не исключаю такой возможности, – согласилась Риччи, – но и не оставляю мысли о том, что госпожа Листова привирала, рассказывая о своей матери, отце, бараке и интернате.

– Начну собирать необходимую информацию, – остановил дискуссию Димон.

– Почему человек лжет о своем материальном достатке? – не утихала Риччи. – Потому что денег у него нет. Или они есть, но не так много, чтобы стать своей в тонкой прослойке жен олигархов. Если хотите знать мое мнение: Инесса завистлива, не любит помогать людям, эгоистична. Тамаре Владимировне не видать ни копейки. Дочь постарается отодвинуть свою биологическую маманю от денежной кормушки.

– Не каждый человек готов простить родителя, который бросил его в детстве, – сказала Ада, – некоторые раны никогда не зарастают. Желание казаться не той, кем являешься, – это комплекс неполноценности. Но нам будет трудно работать, не имея достоверной информации.

– Танюша, у тебя телефон звонит, – остановил беседу Димон, – не рабочий, личный.

– Ну у тебя и слух! – позавидовала Дюдюня. – Дима, ты прямо горная коза!

– Обижаешь, однако, – покачал головой Коробок, – я индивидуум мужского пола.

– Следовательно, козел, – заявил Никита.

Я схватила трубку и услышала голос нашей домработницы:

– Танюша! Альберт Кузьмич умирает!

Я ткнула пальцем в трубку, теперь голос Бровкиной разлетелся по всему офису:

– Рина в ужасе, мне тоже очень страшно.

– Что случилось, объясни, – потребовала я.

Надежда издала стон.

– Приехала Яна, пока она мыла и вычесывала кабачков, мы искали кота! Обшарили оба этажа, нигде его нет. Осмотрели каждый угол, проползли везде, куда пролезли. Ну, нет британца!

Из трубки донеслись всхлипывания и слова:

– Он умер.

– Надя, – громко сказал Коробков, – если Альберт Кузьмич занычился так, что его не найти, это не означает, что котяра лишился жизни. Просто он хитрее вас с Риной.

– Сейчас приедем и найдем его, – пообещала я.

– Вы только по полу ползали? – уточнила Ада. – Моя тетка один раз чуть с ума не сошла, весь день искала свою кошку. Потом решила, что Мотя пробралась на балкон, сиганула с него и разбилась насмерть. Кинулась во двор, там полный порядок, никаких трупов. Катя вернулась домой в невменяемом состоянии и услышала «Мяу». Звук летел сверху. Тетка поняла голову, а сверху на комнатной двери сидит ее Мотя!

Послышался звяк. Я увидела фото: бумажная пленка с огромным ярко-красным пятном.

– Что это? – насторожилась я.

– Альберта Кузьмича мы нашли, – зашептала Бровкина, – он не спрятался, спал на кровати Танюши и Ивана Никифоровича. Посадили его на стол, прикрыли тот, как всегда, пледом, взяли новый, старый совсем никудышный, стыдно его использовать. Под ним бумажная пленка. Яна стала котика вычесывать, а тот лужу напрудил.

– Он так всегда делает, – напомнила я, – ничего особенного.

– Тань, ты посмотри, что мы увидели, когда кота сняли и решили одеяльце постирать. На пленке лужа крови. Глянь на фото!

– Ужас! – ахнула Дюдюня. – Немедленно вызывайте Люду.

– Она в отпуске! – закричала Рина. – Мы сбросили ей снимок! Людочка сказала, что по нему трудно определить, что случилось,

качество плохое. Надо сдать на анализ мочу. Вероятно, это песок выходит.

– Из Альберта Кузьмича песок высыпается? – заморгал Никита. – Кот не старый!

– Как у него анализ взять? – рыдала Ирина Леонидовна, которая отняла у домработницы телефон.

Димон застучал по клавиатуре.

– Так! Полно практических советов. Рина, успокойся. Надя, прекрати паниковать. Альберт Кузьмич нас всех переживет!

– Не говори так, – еще сильнее расстроилась мать Ивана. – Как коту одному себе поесть купить?

Коробок встал:

– Тань, надо спешить домой.

– Отправляюсь с вами, – отозвалась Дюдюня.

– Я тоже хочу поехать, – прогудел Никита.

Я посмотрела на часы.

– Риччи, вы свободны. Приезжайте завтра к полудню.

– Не желаете брать меня с собой? – задала прямой вопрос девушка. – Помешаю вам?

– Конечно, нет, – интеллигентно соврала Дюдюня.

Я промолчала, а Димон забормотал:

– Кот больно царапается, прямо до кости! Он огромный, злой, вредный!

– Обожаю таких! – подпрыгнула девица. – Скажите честно: ты новенькая, не входишь пока в наш коллектив. Тогда я уйду до завтра. Просто хочу помочь, имею опыт общения с дикими животными. Вот!

Риччи живо закатала рукав.

– Боже! – попятилась Дюдюня. – Какой шрам!

– Укус льва, – заявила девица, – мне пришлось удирать от одного мужика, а у него в поместье зоопарк. От пумы я спаслась, а лев лапу из клетки вытянул и – цап! Берете меня в команду?

Дюдюня замаялась, Димон закашлялся, а Никита мигом понял, на кого перевести стрелки.

– Начальник бригады Татьяна. И мы собрались к ней домой, значит, Сергеевой решать, едете вы или нет!

Риччи округлила глаза, прижала к груди ладошки и заныла:

– Мы теперь работаем вместе, не бросайте меня, честное слово, я пригожусь.

– Садитесь в машину и езжайте за нами, – сказала я, натужно улыбаясь, – путь короткий, через пять минут на месте окажемся.

Глава шестая

– Вы на лифте, а мы с Таней пешком, – скомандовала Дюдюня.

Риччи быстро выскочила из кабины.

– Заходите, простите, что вперед вас вошла.

– Боюсь этого подъемника, – соврала Ада Марковна, – он похож на клетку для попугая. Скрипит, кряхтит, вот-вот развалится. И Танюша его терпеть не может.

– Верно, – тоже солгала я и пошла вверх по ступенькам.

Ада Марковна поспешила следом, когда мы добрались до второго этажа, она осведомилась:

– Как тебе новая барышня?

– Пока не знаю, – вздохнула я, – она пыталась выступить в роли психолога, неплохо разбирается в моде. Умеет добиваться своего, смогла так провести сейчас разговор, что мне пришлось пригласить ее к себе. Это качество не очень приятно в дружеском общении, но для работы пригодится.

– Манипуляторша, – коротко заявила Дюдюня. – Чем она Ивану понравилась? Ты у него не спрашивала?

– Пока нет, – ответила я, шагая через ступеньку, – связь плохая, я отправила сообщение, а оно, похоже, не дошло до мужа.

– Забрался Ваня в дебри, – резюмировала Дюдюня. – Умение дернуть человека за нужную нитку, чтобы тот исполнил твое желание, в нашей конторе приветствуется. Вот подругу с таким талантом иметь не хочется. Но давай понаблюдаем за ней. Ездит на «Мини Купере», маленького размера, но большой цены машине. Пускает пыль в глаза?

Я решила быть справедливой.

– Полно машин дороже «миника», вероятно, он ей просто нравится. Если решим взять ее к нам, Риччи дадут служебный джип.

Потом вытащила из сумки ключи и открыла дверь. В холле пахло лекарством, Ада подергала носом.

– Валокордин!

– Надя этим лекарством все лечит, – объяснила я, – на ночь его принимает, чтобы хорошо спать.

– Спасибо, что приехали, – прошептала Рина, выходя из коридора, – коту, похоже, совсем плохо! Люда договорилась в своей клинике, нам там анализ быстро сделают. Вы только гляньте!

Свекровь развернула пеленку, которую держала в руке.

– Сколько крови, – ужаснулась Дюдюня, – неудивительно, что Альберт Кузьмич не убегает. У него сил нет.

– Вот и мы, – заявил Димон, входя в холл. – Нам необходим сачок, вот он.

Наш компьютерный гений показал на орудие ловли бабочек, которое держал в левой руке.

– Где ты достал этот давно забытый предмет? – восхитилась я.

– Неважно, – отмахнулся Коробок. – Схема такая: ждем, пока кот захочет пописать, и подсовываем под него данную снасть.

– Просто и со вкусом, – отметила Дюдюня. – Потом его надо отжимать? Он будто из марли сделан, все вытечет.

– Внутри нужно поставить миску, – объяснил Димон.

– Интересно, сколько времени нам караулить попис? – задумчиво протянула Ада Марковна.

Рина показала блистер.

– Тут пир... вет... дил... Не могу вспомнить. Даем коту одну таблетку, и вскоре получим нужный эффект. Пока вы ехали, Надя сбегала в ветаптеку и купила препарат, который посоветовала Люда.

– Как далеко зашел прогресс, – восхитилась Дюдюня, – но каким образом Альберт Кузьмич примет лекарство?

– Все сейчас сделаю, – подняла руку Риччи, – у меня три собаки. Нет проблем с пилюлями. Где объект?

– У Тани в спальне, – отрапортовала Рина. – Надя, Надя!

Послышалось шарканье, в холл с пузырьком валокордина в руке выползла домработница.

– Что вы хотите?

– Сядь на кровать и гладь Альберта Кузьмича, – велел Коробков, – надо усыпить его...

– Нет! Не дам! – заорала с такой силой Бровкина, что на люстре зазвенели подвески.

– Эй! Ты плохо себя чувствуешь? – опешил Димон.

– Не дам усыплять Альберта Кузьмича, – добавила металла в голос Надя.

– А мы и не собирались это делать! – попятился Никита.

– Ты мне не дала договорить, – возмутился Димон, – надо усыпить его...

– Не дам, – затопала ногами Бровкина.

– ...бдительность, – повысил голос Коробков, – он увидит меня с сачком, испугается и удерет! Поэтому, Надежда Михайловна, гладь кота.

– Нам надо ему писательную пилюлю впихнуть, – напомнила я.

– Да не нервничайте вы так, – улыбнулась Риччи, – понадобится банка детского питания, мясного, без овощей. Уж, наверное, Эдуард от него не откажется.

– А где он? – спросила Рина.

– Кто? – не понял Димон.

– Эдуард, – уточнила мать Ивана.

– Не знаю, – удивился Коробков, – у вас еще кто-то завелся? Кот? Собака?

– Никакого Эдуарда в доме нет, – отрезала я, – давайте займемся Альбертом Кузьмичем.

– Ой! А я его Эдуардом обозвала, – захихикала Риччи.

– Котик не любит детское питание, – прошептала Надежда Михайловна, – он продаст душу за шпротину. Но мы ему ее не даем из-за вредности продукта.

– У нас форс-мажор! Тащи консервы, – велела Ирина Леонидовна.

Когда Бровкина поставила на прикроватный столик блюдечко с одной рыбкой, глаза кота вспыхнули огнем.

– Ага! – обрадовалась Риччи. – Обещала же, что все прокатит как по маслу! Где лекарство?

Надежда вынула из упаковки пилюлю. Девушка впихнула ее в лакомство и засмеялась.

– Битте-дритте покушать, Эдуард!

Альберт Кузьмич вскочил, бросился к угощению и стал уничтожать его, урча от удовольствия.

– Он мало похож на умирающего, – обрадовался Никита, – сдадим анализ, получим результат, выясним причину болезни.

– Все слопал, – отрапортовала Надежда Михайловна, – умница!

Кот зевнул, потянулся, вернулся к моей подушке, вытер о нее морду, измазанную маслом от консервов, потом отошел на половину мужа, лег и закрыл глаза.

– Танюша, белье тебе поменяем сразу после того, как получим попис, – пообещала Бровкина.

– Дима, где сачок? – прошептала Рина. – Надо его подсунуть под попу котика, пока он спит! Времени мало! Люда сказала: пять-семь минут – и сработает.

– Держу его наготове! – сообщил Димон и ловко втолкнул сачок под британца.

Тот даже не пошевелился. Потекли минуты, через четверть часа Рина позвонила доктору.

– Люда, он не писает.

– Таблетку съел? – осведомилась ветеринар.

Похоже, она сидела в ресторане. До моего слуха долетели звяканье, шум разговоров, музыка. Родители хотели, чтобы я, их единственная дочь, стала врачом. Во-первых, доктора во все времена хорошо зарабатывают. Оклад, может, невелик, но больные люди часто кладут конвертик в карман халата эскулапа. А во-вторых, я бы лечила старшее поколение, свой медработник в семье очень нужен. Но в вуз, где обучают терапевтов, хирургов и иже с ними, девочке с тройками в аттестате даже соваться не стоило. Я отправилась в педагогический на факультет, куда принимали всех.

И хорошо, что я далека от медицины и ветеринарии. У докторов нет ни выходных, ни отпуска. Вот Людмила улетела на море, сидит в ресторане. А ей звонят и говорят о пописе кота. Приятного тебе, Люда, аппетита!

– Он слопал шпротину, мы в нее лекарство запихнули, – объяснила Рина.

– Не лучшая еда для кота, но одноразово можно, хотя совсем не нужно, – заявила Люда. – Он съел лекарство?

– Слопал шпротину, – заорала Рина, решив, что ветеринар не слышала ее первый ответ.

– Насчет консервов я уяснила, а как с пилюлей? – повторила Людмила.

– Она была в рыбке, а ее Альберт Кузьмич враз схомячил, – засмеялась Ирина Леонидовна.

– На тарелку посмотрите, – не утихала врач.

Мы все одновременно повернули головы.

– Елки! – засмеялся Никита.

– Вот хитрец, – восхитился Коробков.

– Обалдеть, – ахнула Рина.

– Как она тут оказалась? – заголосила Надежда.

– Молодец! Шпротину сожрал, а таблетку выплюнул, – объяснила Люда, – консервы ни в коем случае больше не давайте! Откройте ему пасть, забросьте в нее лекарство, зажмите и ждите.

Глава седьмая

– Что зажать? – не поняла Надя. – Кулаки на удачу?

– Это не помешает, – засмеялась Люда, – я имела в виду челюсти. Чтобы не выплюнул.

– Альберт Кузьмич прекрасно воспитан, – обиделась Бровкина, – он никогда не плюется.

– Сколько раз вы коту за его жизнь медикаменты давали? – поинтересовалась Люда.

– Сегодня впервые собираемся, – ответила Рина.

– Вот и проверите, как он отреагирует, – хихикнула врач. – Удачи вам!

Все посмотрели на меня, потом Дюдюня велела:

– Танюша, командуй!

Я попыталась отвертеться от роли главного специалиста в запихивании таблетки в британца.

– Не имею четкого плана действия!

– Я открываю ему пасть, – запрыгала Риччи, – кто-то туда зашвыривает лекарство, я защелкиваю кошачьи челюсти и держу их сомкнутыми. Все, несите самые толстые кухонные варежки.

– В доме полно еды, – возмутилась Бровкина, – у нас готовит Ирина Леонидовна. Остальные к плите не приближаются.

– А я и не собиралась кашеварить, – успокоила помощницу по хозяйству Риччи, – терпеть не могу возиться с кастрюлями-сковородками. Я создана для любви, а не для готовки, стирки, уборки. Варежки нужны, чтобы кот меня не оцарапал, не укусил.

– Альберт Кузьмич не такой, – рассердилась Бровкина.

– Дайте Риччи защиту для рук, – распорядилась я, поняв: если не начать руководить этим коллективом, ничего хорошего не получится.

Рина кинулась на кухню и мигом примчалась назад с варежками.

Я продолжала исполнять роль главнокомандующего.

– Риччи надевает рукавицы и открывает коту пасть. Никита забрасывает в нее лекарство. Рот захлопывается. Димон подсовывает сачок под филейную часть Альберта Кузьмича. Все поняли?

– Почему я швыряю таблетку? – осведомился Никита. – Вдруг кот на меня бросится? Страшно как-то!

Я едва не расхохоталась. И это говорит парень, который неделю назад гнался по крышам за вооруженным до зубов мужиком, а тот пытался пристрелить преследователя, но так и не попал в цель! Похоже, ужаснее кота для Никиты Павловича никого нет!

– Ты чемпион по метанию дротиков, – объяснила вместо меня Рина, – а если я пилюлю кину, то попаду в глаз, да не коту, а тому, кто его держит.

– Понял, – кивнул парень.

– Начали, – скомандовала я. – Никита берет лекарство, садится на кровать. Риччи...

– Да все уже сообразили, – остановила меня Ада. – За работу, товарищи!

Менее минуты хватило нам, чтобы произвести все действия. Риччи закрыла морду Альберта Кузьмича варежкой, он сидел на удивление тихо.

– Наверное, можно его отпустить, – занервничала Надежда Михайловна. – Вдруг он задохнется?

Риччи убрала руку. Альберт Кузьмич продолжал молча сидеть на сачке, который подсунул под него Димон. Никита прищурился.

– Котик, ты как, а?

В тот момент, когда парень произнес: «а», британец выплюнул лекарство. Белый кругляш вылетел из пасти и угодил прямо в раскрытый рот Никиты. А тот, похоже, не понял, что произошло, потому что сделал глотательное движение.

– Он его съел! – закричала Риччи.

– Молодец, котик, – обрадовался Никита.

– Таблетку слопал ты, – сдавленным голосом произнес Димон и расхохотался. – Ой, не могу!

– Я? – удивился детектив. – Ты ошибаешься! Я забросил его в кота. И попал.

– Попал, попал, – согласилась Ирина Леонидовна, – Никитос меткий швырятель.

– Когда девушка убрала руки, Альберт Кузьмич выплюнул пилюлю, – продолжила Рина, – а ты ее ам, и готово!

– Ирина Леонидовна, я очень вас люблю, безмерно уважаю, но сейчас вы странное говорите, – сказал Никита Павлович. – Зачем мне лопать таблетку для пописа, которую выплюнул кот? Проблем с почками у меня нет, и дожирать за Альбертом Кузьмичом я ничего не стану. Только не подумайте, что я плохо отношусь к британцу, он замечательный. Но у меня правило: никогда не есть то, что кто-то недожевал. Человек ли, кот ли, без разницы.

– Никитос, ты рот открыл, сказал: «А?» Альберт плюнул, таблетка в тебя влетела. Ну и ты ее проглотил, – объяснил Димон.

Лицо бравого сотрудника особой бригады вытянулось.

– Вы шутите, да?

– Нет, – хором ответили все.

Никита побледнел:

– И что теперь?

– Побегашь в туалет, – пожала плечами Ирина Леонидовна.

– Навряд ли, – вставила свои пять копеек Риччи, – кот весит от силы десять кило.

– Одиннадцать двести, – озвучила точную цифру Надежда Михайловна.

– А Никита намного тяжелее, на него маленькая доза не подействует, – сказала девушка, – забудь! Ерунда! Дайте вторую таблетку. Следующий дубль!

Никита встал:

– Я больше в процессе не участвую. Хватит с меня одной порции лекарства. Пусть теперь Димон им швыряется.

– Что у нас происходит? – спросил знакомый голос, и в спальню заглянул Иван Никифорович.

– Ты вернулся, – обрадовалась я, – думала, мы через пару дней увидимся.

Муж засмеялся:

– Мне повезло, не попал в пробку, быстро до Варшавской доехал. Но ты права, теперь в Москве можно несколько суток в заторе провести.

Я молча слушала супруга. Похоже, у меня от постоянных попыток похудеть хоть на кило все же сократилась одна часть тела. Но не та, о которой вы подумали! У меня скукожился мозг. Вчера вечером, услышав от Ивана фразу: «Рано утром еду на «Варшавскую», я решила, что муж улетает в Варшаву. А он имел в виду станцию метро! И кто я после этого?

– Ваня! – заговорила Ирина Леонидовна. – У нас беда...

Альберт Кузьмич фыркнул, встал, отряхнулся...

– Лови его! Держи, не отпускай, – закричала Риччи и попыталась схватить британца.

Тот ловко вывернулся из ее рук и прыгнул на столик. Блюдечко с остатками масла от шпрот упало на мою подушку и опрокинулось.

– Не ловите парня! – радостно закричал Димон. – Он пописал!

– Нам повезло, – ликовала Рина.

– Слава богу, – пришла в восторг Бровкина. – Димочка, аккуратно поднимай сачок, не разлей миску.

– Э... э... э... – забормотал Коробок, – ну... понимаете... короче... не очень получилось... вот! Он пустой!

Я посмотрела на сачок и удивилась:

– А где миска?

– Забыл поставить ее в сачок, – признался Димон, – все так суетились, разговаривали, друг друга перебивали. Я не способен к интеллектуальной работе в таких условиях.

– Что делать? – пригорюнилась Надежда. – Попис вылился на одеяло Тани и впитался в него!

– Нет, там лужица! – прошептала Рина. – Не шевелитесь. Сбегаю за пипеткой, соберу мочу, хватит на анализ.

Все замерли, моя свекровь унеслась в коридор.

– Ничего не понимаю, – удивился муж. – Почему в спальне воняет рыбой?

– Блюдечко, в котором лежала шпротина, упало на подушку, – объяснила я.

– Ты ела в кровати? – опешил Иван.

– Нет, этим занимался Альберт Кузьмич, – ответила вместо меня Бровкина, – он может умереть!

– Кот заболел? – спросил супруг. – А вы хотели его вылечить с помощью шпрот, и он их лопал в постели?

– Суть понята верно, – согласилась Дюдюня, – наша главная цель – вернуть коту пошатнувшееся здоровье. Надя сейчас отнесет пипетку в лабораторию, а мы сядем выпить чайку и все тебе объясним.

Глава восьмая

– Как спалось? – спросила Рина, когда мы с Иваном сели завтракать.

– Всю ночь мне снился странный сон, – признался Ваня, – будто я работаю на сейнере, стою на конвейере и закрываю крышками банки с рыбными консервами.

Мой телефон звякнул, примчалось эсэмэс от Димона: «Посмотрела подарочек?» Я вспомнила про презент, который вчера вручил мне Коробков, вернулась в спальню, вытащила из упаковки пластиковую тубу и удивилась. Лекарство? Незнакомое мне средство под названием Edimvse. И записка: «Тань! Ты прекрасно выглядишь. Но если маниакально хочешь похудеть, то используй это средство. В России его нет, оно из Германии. Зайди на их сайт, почитай отклики – и вперед. Отправил тебе ссылку!» Я открыла ноутбук и нашла нужную страницу.

«Edimvse разработан великим русским ученым Иваном Павловым незадолго до его смерти в тысяча девятьсот тридцать шестом году. Блокатор калорий не только тормозит набор веса, но и расщепляет жировые клетки, выводит лишнюю воду. В России эта пищевая добавка не снискала популярности. Советские люди жили на грани голода. А вот в сытых европейских странах Edimvse оказался востребован. В среднем он дает потерю пятнадцати-двадцати кг в месяц при неизменном режиме приема еды и ее количестве...»

– Тань, ты куда запропастилась? – закричала из глубины квартиры Рина.

Я быстро проглотила одну красную пупочку. Спасибо, Димон. Мне нравится терять вес, лопаю куриную лапшу, любимую жареную картошку на второе и мороженое на десерт. Вдруг БАД поможет? А теперь надо поторопиться, нехорошо опаздывать. Если велела всем приехать к девяти, то и самой надо явиться на службу вовремя.

Когда я вошла в офис, там сидела короткостриженная брюнетка с бездонными, почти черными глазами. Одета незнакомка была в простые джинсы и самый обычный серый пуловер. На лице почти не было косметики, украшения отсутствовали.

Я удивилась и поздоровалась со всеми, потом спросил у гостыи:

– Вы к нам?

– Мне вчера велели утром приехать к началу работы, – ответила брюнетка.

Я села на свое место. Где мы встречалась с этой дамой? Почему мне знаком ее голос?

– На повестке дня биография Тамары Владимировны... – начал Коробок.

И это было для меня еще большим удивлением, чем незнакомка в офисе.

– Подожди, – остановила я Димона и обратилась к посетительнице: – Как к вам обращаться?

– Риччи, – ответила та.

Я на секунду прикрыла глаза. Мало того что Дима попытался начать беседу на рабочую тему в присутствии брюнетки, так еще ее и зовут, как нашу новую сотрудницу. У меня есть подруга Евлампия, имя нынче забытое. Лампа – так к ней обращаются близкие. «Риччи» тоже не у многих в паспорте указано. Какова вероятность, что за двое суток вы познакомитесь с парой девушек, которые откликаются на Лампу? Да нулевая. А на Риччи? И вот, пожалуйста, еще одна Риччи. Впрочем, в паспорте у нашей новенькой стоит Ричибальда. Очень я удивилась вчера, когда вечером смотрела ее анкету.

– Слушаю вас, – сказала я и спохватилась, – ко мне можно обращаться Татьяна, без отчества.

– Это я уже усекла, – ответила незнакомка.

– Тань, перед тобой наша Риччи, – объяснил Никита.

– Я сообразила, что вчера моя внешность показалась вам эпатажной, – промурлыкала девушка, – и изменила образ.

– Она как Марта, – неожиданно сказал Димон.

Марта?! Я вздрогнула, меня мигом забросило в прошлое. «Когда не ожидаешь от жизни ничего хорошего, плохое не заставляет себя ждать»^[2]. Вот я в очередной раз не понравилась инспектору в отделе персонала, не получила работу, в слезах вышла на улицу и увидела, как машина сбила дедушку. Я бросилась к старику, не подозревая, что через пять секунд у меня начнется новая жизнь. Я познакомлюсь с Димоном, Мартой, Гри. Гри... Ко мне придет любовь, я стану сотрудницей особой бригады. Никому не нужная толстуха Таня внешне не изменится, останется полной, но бесповоротно преобразится внутренне. Спустя не один год после того, как я кинулась помогать пенсионеру, я получила лучшего мужа на свете. Димон до сих пор работает с нами. Марты и Гри нет. Где они? Вопрос без ответа.

Я потрясла головой и выплыла из неожиданных воспоминаний. Если Димон полагает, что Риччи похожа на Марту, то от такой сотрудницы будет много пользы и на порядок больше головной боли.

– Я ее вообще не узнал! – восхитился Никита.

– Хорошая трансформация, – похвалила Ада Марковна.

– Я приняла тебя за новую клиентку, – подключилась я к беседе, – браво!

– Спасибо, – улыбнулась Риччи. – Я поняла, что не понравилась тебе, и постаралась произвести сегодня другое впечатление. Очень хочу остаться в бригаде. Наверное, ты никогда не искала службу, поэтому не можешь понять, как плохо без работы.

Я потупилась. Отлично знаю, как неприятно слышать слова: «Спасибо, мы вам позвоним», и уходить, понимая, что тебя вежливо выставили вон. В прошлой жизни со мной это не раз случалось.

– Итак, – заговорил Димон, – что мне удалось нарыть о Тамаре Владимировне Ефимовой? Дама страдала алкогольной зависимостью, часто уходила из дома, исчезала на несколько дней,

жила в бараке в селе Совино. Это совпадает с тем, что сообщила нам Инесса.

– Как ты добыл эти сведения? – удивилась я. – Прошло много лет!

– Да просто, – улыбнулся Димон, – сначала узнал, кто в те годы был участковым инспектором в микрорайоне. Им оказался Леонид Мартынов, он тогда только срочную отслужил и устроился в милицию. Двадцать один год был парню. Сейчас он владелец небольшого бизнеса. В органах честно отслужил, ушел на заслуженный отдых с хорошей должности на Петровке в звании полковника. Память у него цепкая. О службе в отделении Совино вспоминает с улыбкой: «Как молоды мы были». Хранит все свои книжки участкового, куда педантично записывал разные сведения.

– К вам посетитель, – произнес голос Юры, – забыл, как его звать, мужик, короче!

– А вот и он сам, – обрадовался Коробок, – не хотел по телефону говорить, пообещал до полудня приехать, сказал: «В вашем районе завтра буду по делам».

– Впустить? – спросил Юра.

– Конечно, пусть мужик, короче, зайдет, – ехидно велела я и вскоре увидела высокого, подтянутого лысого человека.

– Салют, – сказал он. – Дима тот, кто за компьютером?

Коробков помахал рукой:

– Он самый! Наш начальник – Татьяна Сергеева – сидит слева от меня.

Я улыбнулась:

– Добрый день, рядом Ада Марковна, напротив Риччи, а слева от нее Никита Павлович. Присаживайтесь, пожалуйста.

Гость сразу приступил к делу:

– Вас интересует Тамара Владимировна Ефимова...

Он открыл сумку и вытащил записную книжку.

– Была такая. Барак на перекрестке у храма – моя головная боль. Сейчас понимаю, почему его за салагой закрепили. Никто из «стариков» не желал иметь дела с местным контингентом.

Население барака четко делилось на две группы. Одни устраивали пьянки и драки каждый день. Купить пожрать у них денег не было, а на выпивку всегда наскребали. Эти граждане не брезговали воровством. А другая часть радовалась водочке лишь в выходные и праздники. Поскольку большинство мужиков принадлежало к первой категории, а баб ко второй, то бурные выяснения отношений случались постоянно. И всегда завершались вызовом участкового. Состав жильцов менялся часто. Одного убили, другие сбежали от алкоголика, третьи устроились на постоянную работу, перебрались в дом поприличнее, но таких было мало. Барак – дно жизни. Порой я находил там беглого зэка, которого одинокая мадам приголубила. Отстой, короче. Мало было комнат, где я ни разу не бывал, протокол не составлял, лекцию о правильном образе жизни не читал. Вернее, такая была одна – четырнадцатая, просто луч света в алкогольно-наркотическом мраке. В ней жила приличная семья: муж, жена и девочка. Илья Петрович Листов, Тамара Владимировна Ефимова и Инесса Ильинична Листова. Приехали они, когда девочке три годика исполнилось. Произвели очень хорошее впечатление. Никаких проблем с ними до поры до времени не возникало.

– Вы уверены, что девочке исполнилось три года, когда ее родители появились в бараке? – уточнила я.

Мартынов показал на записную книжку.

– Кое-кто их не заполнял. Раз в неделю сядут, пару слов черкнут, и ладно. Я аккуратный, понимал: сведения могут мне пригодиться. Записи делал ежевечерне, переписывал документы. Инессе три года было на момент прописки в бараке и четыре, когда они выписались с отцом.

Я задумалась. Выходит, Инесса соврала про два года? Но зачем? Похоже, она просто забыла свой тогдашний возраст.

Глава девятая

– Значит, пара жила тихо? – перевел беседу в другое русло Димон.

– Да, жаль их мне было, – кивнул Леонид, – они приехали из деревни Ошурково. Он работал на вредном производстве, лаки там делали, краски, в Москву ездил. Супруга дома сидела, за девочкой смотрела, та всегда была чисто одета, причесана. Приятные люди, воспитанные, непьющие. Тамара, если видела, что я на своем велике прикатил, из окна высовывалась, говорила:

– Леонид Алексеевич, зайдите, чаем угощу с пирогом.

Полковник засмеялся.

– Я был пацан, только демобилизовался, все звали меня Лёней. А Ефимова всегда обращалась по отчеству. Каюсь, грешен, забежал к ней поесть. Так Тамара еще и с собой сверток давала. Комнатка метров десять, жили трое, один из них ребенок, а там всегда был порядок. Оазис в болоте пьянства. Но потом ситуация вдруг изменилось. Илья меня поймал, когда я в очередной раз по вызову в адское место прирулил, зашептал:

– Леонид Алексеевич, беда у нас, Тома опять запила.

Я так удивился!

– Опять?

Илья кивнул.

– Да. Она после похорон родителей быстро в алкоголичку превратилась. Я нашел врача-гипнотизера, тот Тому закодировал. Как отрезало ей ханку жрать. Мы поэтому из деревни уехали. Там жену пьяной знали, не уважали. Решили на новом месте другую жизнь вести. Тамара забеременела, мы в Москву подались, снимали комнату в коммуналке. Дочка родилась, нас попросили съехать. Ребенок маленький, кричит. Мыкались по разным углам, с деньгами было туго. Жена пока не работает, на мою зарплату выживаем. Вот и нашли, где подешевле, в барак перебрались. И мать Тамара

прекрасная, и жена хорошая. Не знаю, что произошло, возвращаюсь один раз домой, а она нетрезвая. Я с ней работу провел, не помогло. И сейчас у нас... Давайте лучше покажу!

Зашел я в комнату. Грязь, вонь, девочка не мытая, не причесанная, в одежде, которую месяц не стирали. На кровати спит баба, грязная и вонючая. Я Тамару не узнал, спросил:

– Это она?

Илья рукой махнул:

– Сам глазам своим не верю. Леонид Алексеевич, можете где-то отметить, что она в таком состоянии? Хочу жену лишить материнских прав.

Поглядел я на отребье, удивился, что водка с хорошей бабой за короткий срок сотворила, а Илья словно мысли мои прочитал.

– Я поговорил с гипнотизером, который ее лечил. Он объяснил: «Во второй раз мой метод не сработает, я предупреждал вас об этом. И еще: раз Тамара после лечения запила, то больше к трезвому образу жизни не вернется. Если вам нужен мой совет, то он такой: возьмите ребенка и уезжайте. Оставьте алкоголичку». Я заикнулся было: «Мне ее жалко, она одна быстро умрет». Доктор разозлился: «А на дочку тебе наплевать? Хочешь заботиться о пьяной морде, которой ни до кого дела нет? Ну, продлишь ты ей жизнь на пару лет. И что? Знаешь, чем твоя благотворительность обернется? Баба все равно умрет. А девочка старше станет, в школу пойдет, лет в четырнадцать попробует в компании вино и начнет квасить. Пример мамыши перед глазами был, в голове установка закрепилась: ничего плохого в водке нет, вон мама пила, так папа о ней заботился, не злился. Хочешь иметь дочку алкоголичку? Ты ее получишь! Спасай малышку».

Мне Илью так жалко стало, я посоветовал:

– Сейчас напиши заявление, что Тамара, находясь в неадекватном состоянии, на тебя напала с ножом. Я оформлю все, как надо.

Он внял моему совету. Через пару недель меня в барак вызвали, Ефимова буянила. Пока доехал, местные сами проблему решили.

Простые там люди, по шее бабе надавали и в комнату затолкали. Я вошел, Тамара на полу спит. Лица под грязью и синяками не видно. Ни дочки, ни мужа нет. Спросил соседей:

– Где Илья?

Кто-то ответил:

– Уехал с девочкой. Куда, не знаем. Оставил нам шалаву, каждый день зажигает, матерится, в драку лезет, сумасшедшая она, заберите ее в психушку.

А времена были какие! Не имели права больного с упавшей крышей без его согласия в дурку положить. Это, видите ли, нарушение прав алкоголика. А то, что люди должны терпеть пьянь рваную, это как называется? О правах соседей подумали? Да, они сами выпить любят, но Тамара все границы перешла. Я решил что-то с алкоголичкой делать, но не знал, как от нее людей избавить. А потом Ефимова сама куда-то делась, пропала. У меня в то лето были две исчезнувшие бабы.

Леонид полистал книжку.

– Вторую звали Ларисой Мазаевой. Эта женщина жила в кирпичном доме с пожилой матерью Ольгой Сергеевной. Приехала к старухе, когда я уже работал участковым. Мать принесла заявление о пропаже дочери, начал я бабушку опрашивать, а та давай рыдать! Сообщила такую историю. В юности Лариса сделала аборт, через какое-то время пошла на осмотр, врач ей заявил:

– Не ждите беременности, плохо вас прооперировали.

Случилось это все в студенческие годы, а когда Лариса вернулась домой с дипломом, то никто, даже мать, понятия не имел, что она с кем-то согрешила и избавилась от ненужного ребенка. Мазаева вышла замуж, ничего супругу не сказала. Спустя несколько лет муж стал задавать вопрос:

– Почему у нас нет детей?

Настоял на визите к доктору. И вот тогда выяснилась правда, супруг подал на развод, Лариса начала пить и быстро опустилась. С работы ее попросили, алкоголичка стала выносить вещи из дома.

Когда то, что можно обменять на бутылку, закончилось, воровать принялась. Ее ловили, били, да без толку. А теперь она пропала, две недели дома не показывается.

Я сообразил: Мазаеву убили. Почему я так решил? Сейчас!

Наш гость опять перелистал книжечку.

– Вот! Семнадцатого июля Вадим Гудов, местный олигарх, сообщил о краже у него постельного белья. Вадим, по слухам, бывший бандит. Дом купил каменный в селе, особняк построил Нефедов, но его посадили и коттедж на торги выставили. Вадик его и приобрел. Появился он на моем участке примерно за полгода до отъезда Ильи Листова. Новоселье устроил, народ местный угостил. Его сразу и полюбили. Ну и, как водится, местные бабы давай сплетничать: «Знаем, знаем, он из бывших солнцевских, богатый теперь». Откуда у теток эта информация? Одна придумала, другая подхватила, третья дальше понесла, да от себя еще перца насыпала. Месяца не прошло, как Вадим королем деревни сделался. Мне интересно стало, откуда у него столько денег? Знаю, какая сумма за дом отдана. Выяснил следующее. На авторитета Вадим не тянет, обычный оболтус. А вот отец его в прошлом был большой человек в мире криминала. Очень большой, но вовремя слился, ушел в легальный бизнес, миллиардами ворочал. Умер не так давно. При жизни он сынка в зубах нес. То одно дело ему подарит, то другое. Потом, похоже, перестал дурака тянуть, остался Вадим без ничего. Жил он в Москве, вроде работал в конторе типа «Рога и копыта», может, просто числился. Потом Олег Михайлович умер, и вскоре Вадим приобрел коттедж. Думаю, отец ему кой-чего оставил. В Совине Вадим пальцы веером не распускал, быстро женился на первой красавице Елизавете, у той папаша тоже при хороших деньгах был. Со мной Вадим вежливо здоровался, по имени-отчеству величал. Я, если с ним сталкивался, всегда останавливался на пару минут о ерунде поговорить. Но никогда Гудов в отделение не приходил. И тут здрассти! Белье у него сперли! Смех, да и только! Сел Вадим напротив меня, смущенно речь завел:

– Леонид Алексеевич, вы меня знаете, плевать я хотел на тряпки. Эти?... Новые куплю и забуду. Это даже не моя забота, баба займется, но тут случай особый. Клавка, домработница наша, видела, как Ларка бельишко ...! В сумку поклала и!..

Я проблему не понял.

– Раз есть свидетель, Мазаеву можно за кражу запереть. И всем будет хорошо. Ларису на зоне пить отучат.

Гудов на меня посмотрел.

– Романтик вы, Леонид Алексеевич. Это смотря куда она попадет. А то еще познакомят с дурью и герычем. Ларка – крестная дочь моей тещи, Лизка, супруга моя, на Мазаеву зубы наточила. Та к нам постоянно приходит, рука ковшиком: «Дай на опохмел». Елизавете моей Клавка уже в уши надула, кто бельишко ...! Жена ща войну устроит. Не один день мне в мозгах тоннели прогрызает.

– Отправь Ларку куда подальше, она мою маму позорит! Хороша крестная дочь, пьянь голимая.

Я ей объяснял:

– Лариска там только шибче за воротник заливать будет, помрет живо. Или натворит делов таких, что я ее не отмажу. Здесь бабенка у нас на глазах. Ну да, похвастаться такой родней трудно, но в каждой семье по уроду есть.

Лизка побухтит и уходит. А сейчас вона что. Сопри Ларка бельишко у кого чужого, то, конечно, ... полная! Хотя я заплатил бы пострадавшим столько, что они еще ковры новые к простыням купили бы. Но она обчистила родню. А это даже никуда! Уж поищите ее. Сам братья не хочу, боюсь, что найду шалаву и наподдам за все проделки не по-детски. Точно не сдержусь. Беда случится. Рука у меня тяжелая. Вы ее найдите и суток на пятнадцать закройте в холодной, полежит на шконке, протрезвеет краса наша, и я поговорю с ней. Права Лизка, надо сеструху куда-то сбыть. Прямо позорище, свою семью обнесла! Денег вам не предлагаю, знаю, в морду мне их назад сунете. А вот дружбу мою примите. В гости к вам ходить не стану. Но если нужен буду, сразу помогу!

И ушел.

Глава десятая

Наш гость покачал головой:

– Ларису я не нашел, поспрашивал народ, все плечами пожимали. Видели ее, как всегда, пьяную. Когда в последний раз? Никто не помнил. Родня по ней не плакала, всем алкоголичка надоела. А у меня вдруг мысль появилась: Вадим приходил не для того, чтобы я Мазаеву нашел. Может, Гудов кому надо шепнул, и убрали его семейный позор? Сам он не авторитет, но может дружков иметь. Если труп найдут, вдруг Вадима заподозрят? Его жена своего отношения к крестной дочери матери не скрывала. На всех перекрестках орала: «Чтоб ей под грузовик угодить». Заподозрят Гудова в убийстве Мазаевой, а тот удивится:

– Ошибаетесь, спросите у Мартынова. Я приходил к нему, просил Ларису найти.

Ну да не стану вам голову Мазаевой забивать. Дела давно минувших дней это. Забавно, однако. Вадим шалопаем был. А теща с женой его приструнили, он магазин купил в Авдеевке. И так развернулся! Теперь у него сеть супермаркетов. Вадим благотворитель, меценат, храмы строит. Жена его в платке ходит, на каждом углу крестится. Теща еще жива, меня, как увидит, всегда целует.

– Вы с ним встречаетесь? – удивилась я.

– Так оба живем на старом месте, – улыбнулся Леонид. – Гудов в своем доме, у него теперь настоящее поместье. Я неподалеку коттедж построил. Не могу в Москве жить, душно в городе. Тем, кто в двухтысячном родился, девяностые кажутся допотопными временами, думают: старикашки все давно умерли. А нет! Нам в бандитскую пору по двадцать с мелким хвостиком было, многие сейчас даже пятьдесят не отметили. Все живы, кроме тех, кого убили. И на память пока не жалуемся.

Когда Мартынов ушел, Димон забормотал:

– О супружеской паре Илья – Тамара почти ничего не известно, кроме того, что я уже рассказал. Есть небольшая странность. Когда семья переехала в барак, мать поставила Инессу на учет в местную поликлинику. Участковый педиатр завела карточку и отметила: малышка в отличном состоянии. И умственном, и физическом. Крошка заметно опережала в развитии своих ровесников.

– Ну, это не странно, – возразила Ада, – девочки раньше мальчиков на ножки встают.

– Она хорошо говорила, – продолжал Димон, глядя в компьютер, – а зубы были, как у детсадовки младшей группы. Врач, осматривая крошку, удивилась, Тамара пояснила:

– Я занимаюсь с дочкой по особой методике известного детского психолога, поэтому Несси очень умная. А зубы – это генетика. У меня нет ни одной дырки.

Интернат, где провела год Инесса, до сих пор работает. Он частный, им владеет и является директором Серафима Никитична Казакова. Возможно, она вспомнит Инессу. Имя в России не самое распространенное. У нас девочек так редко называют. Тань?

– Согласна, – кивнула я, – позвони Серафиме Никитичне, надеюсь, она на работе.

– Возраст у дамы почтенный, – предупредил Коробок, – за восемьдесят ей. Может, она просто значится директором? А работает кто-то другой? Ну-ка!

Дима взял телефон, по офису понеслись длинные гудки, затем раздался звонкий голос:

– Добрый день!

– Это интернат «Луч света»? – уточнил Коробков.

– Правильно, – согласилась девушка, – мы работаем по системе Казакова. Группы не более пяти человек.

– Отлично, – обрадовался Коробок, – вас беспокоит интернет-газета «Дошколята», мы собираемся написать о вас статью. Хвалебную. Бесплатно.

– Прекрасная новость, – обрадовалась его собеседница.

– Хочется поговорить с Серафимой Никитичной, – промурлыкал Димон, – она много лет на посту заведующей. Когда госпожа Казакова бывает на работе?

– Я каждый день на месте, – ответила собеседница.

– Наш корреспондент с удовольствием поговорит и с вами, – пообещал Дима, – но сначала вопросы хочется задать начальнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

www.dontsova.ru

Дарья Донцова

Курятник в пентхаусе

Детектив на диете Татьяна Сергеева

Сноски

1

О том, как Ада Марковна Штольцбаумкенрайз и Никита Павлович стали членами бригады Татьяны Сергеевой, рассказано в книге Дарьи Донцовой «Лазурный берег болота».

[Вернуться](#)

2

С этой фразы начинается книга «Дарьи Донцовой «Старуха Кристи отдыхает», первый детектив, где главная героиня Татьяна Сергеева.

[Вернуться](#)